

сказалъ онъ хриплымъ, но пріятнымъ голоскомъ, крѣпко трясъ руку Корнева. Отъ всего его существа такъ и вѣяло чистотой, приличіемъ и порядкомъ.

Священникъ объявилъ, что онъ—законоучитель Астраханскій. Молодой человекъ, краснѣя, сунулъ Корневу широкую, какъ печной заслонъ, руку и отрекомендовался учителемъ исторіи и географіи Дыхляевымъ. Нѣсколько времени помолчали.

Корневъ присѣлъ къ столу же на продавленный стулъ, стулъ покачнулся, и Корневъ чуть не упалъ. Дыхляевъ побавлялъ, строя невозможныя гримасы, наконецъ не удержался и расхохотался во всю мощь молодого горла. Глядя на него, Корневъ невольно улыбнулся. Брюшко Олина тряслось отъ внутренняго смѣха; наконецъ и онъ разсмѣялся.

— Охъ вы, зараза! — погрозилъ онъ Дыхляеву пальцемъ.

Дыхляевъ пересталъ уже смѣяться и смущенно поглядывалъ на Корнева.

— Ну, такъ и взяли васъ? — спросилъ Олинъ, чтобы замаять неловкую, какъ онъ думалъ, выходку товарища.

Дыхляевъ снова разсмѣялся.

— Что такое, господа? — спросилъ Корневъ.

Дыхляевъ покраснѣлъ и добродушно махнулъ рукой.

— Да все надо мной смѣются...

— Разскажите, Петръ Васильевичъ, разскажите по порядку! хи, хи, хи! — заерзалъ по стулу Астраханскій.

— Да что разсказывать? — проговорилъ Дыхляевъ сконфуженно, обращаясь больше къ Корневу. — Жарко мнѣ вчера показалось—я и вышелъ прогуляться... Ну, нѣсколько того... потому что наканунѣ 20-го... А тутъ, какъ на грѣхъ, обходъ шелъ... Подцѣпили меня... Только и всего.

— Въ полиціи ночевалъ! — залился Астраханскій: — утромъ полицейскаго за платьемъ послали!

Дыхляевъ краснѣлъ и добродушно улыбался. Разговоръ опять оборвался, какъ это часто бываетъ при первыхъ знакомствахъ. Олинъ, игравшій, очевидно, роль первой скрипки въ маленькомъ оркестрѣ, прервалъ молчаніе.

— Вы бы, Иванъ Филиппычъ, хоть чаемъ угостили насъ ради сегодняшнихъ событій, — предложилъ онъ зрителю, лукаво подмигивая остальнымъ.

Веймаръ остановился.

— Событія?! какія событія, милый мой? — спрашивалъ онъ, недоумѣвая.